

Глава 6. Прошлое, которое невозможно оставить в прошлом

Когда съёмки рекламы закончились, Лоу Фэй протянула Цинь Бао бутылку минералки, стараясь не смотреть ему прямо в глаза. Она была его агентом почти год, но каждый раз, когда их взгляды сталкивались, её словно било током.

Лоу Фэй работала в индустрии пять лет и повидала немало красавцев — в этом кругу недостатка в эффектных лицах не было. Но Цинь Бао... Увидев его впервые, она едва не открыла рот от изумления. Потребовалось немало усилий, чтобы скрыть восторг, взять себя в руки и с профессионально-холодным видом пожать ему руку.

Цинь Бао пил воду маленькими глотками, явно о чём-то задумавшись. По пути в студию они проходили через галерею рекламных амбассадоров бренда: стены были увешаны портретами звёзд, среди которых, разумеется, был и Вэнь Жунси.

Тогда Лоу Фэй в шутку бросила: «Однажды и ты достигнешь таких высот, я очень жду этого дня». Она сияла от гордости — она искренне верила в успех своего подопечного.

Цинь Бао промолчал.

Он задержал взгляд на портрете киноимператора вовсе не из-за его высокого статуса.

«Пусть эти пыльные воспоминания смоем проливным дождём той грозовой ночи, вместе с грязью и камнями сошедшего оползня».

— Мать Ли Мина выписывают завтра, — Го Маоли нашёл минуту, чтобы поговорить с Вэнь Жунси, пока тот снимал грим после долгой смены под палящим солнцем. — Заедешь к ней?

— Ты и так с ней на связи, я не поеду, — Вэнь Жунси сидел с закрытыми глазами. Фэн Цзин аккуратно стирала грим ватным диском, работая так сосредоточенно, словно перед ней была не живая кожа, а бесценная антикварная ваза. — Выясни у врачей всё насчёт послеоперационного ухода. Сиделку уже нашли?

— Всё устроено по высшему разряду.

— Ты припёрся сюда только ради этого? — Вэнь Жунси открыл глаза. Когда грим был снят, он оперся рукой о подлокотник кресла и в упор посмотрел на менеджера.

От этой ауры Го Маоли невольно вытер пот со лба и чуть отодвинул стул.

— Во вторник летим в провинцию G, — заговорил он уже деловым тоном. — Я отправлю с тобой Ци Цин и ещё двоих помощников.

— Как скажешь.

— Ты точно не передумаешь насчёт шоу? Я узнавал, на эти выходные уже заявлены двое гостей. Одним больше, одним меньше — не принципиально. Режиссёр Ли будет счастлив, если ты появишься. Но вообще... мы ведь никогда не брались за развлекательные передачи. Стоит один раз начать, и потом отбиваться от предложений будет ох как непросто.

Вэнь Жунси одарил его холодным, едва уловимым взглядом и похлопал по плечу:

— Я верю в твой «подвешенный язык». Разберёшься.

«Совсем не хочется пользоваться таким доверием...» — Го Маоли посерьёзnel:

— Дай мне чёткий ответ: мы теперь открыты для телешоу?

Раньше Вэнь Жунси сам поставил на этом крест. В годы, когда сериалы с его участием гремели по всей стране, приглашений было море, но он наотрез отказывался.

— Посмотрим, — Вэнь Жунси на мгновение словно ушёл в себя.

Фэн Цзин, закончив работу, вышла из гримёрки и плотно прикрыла дверь — судя по всему, киноимператору нужно было обсудить с агентом что-то важное. В коридоре никого не было. Подхватив свой кейс, она поспешила уйти. В шоу-бизнесе лишнее любопытство до добра не доводит. Многие клиенты нанимали её только потому, что она была личным гримёром Вэнь Жунси. Она работала с ним несколько лет и знала: его путь к вершине не был усыпан розами. Он дебютировал рано, пережил три громких падения и три взлёта, сталкивался с травлей, предательством друзей и даже разрывом с семьёй.

Фэн Цзин покачала головой с лёгким сожалением. Даже такому выдающемуся человеку судьба не всегда благоволила. Что ж, в жизни редко всё идёт гладко, и статус киноимператора тут не спасение.

Едва дверь закрылась, Го Маоли положил перед Вэнь Жунси папку. Тот не спешил её открывать:

— Сам читал?

— Просмотрел мельком. Этот Цинь Бао снялся пока только в одном фильме. Но ты же знаешь работы режиссёра Лю — там можно сыграть безымянного прохожего с парой реплик и всё

равно проснуться знаменитым.

Лю Пэй был легендой в мире кино. Попасть к нему — почти стопроцентный шанс на успех. И дело не только в качестве фильмов, но и в его феноменальном чутье на таланты.

— Он играл роль второго плана — психически неуравновешенного подростка. Картина взяла премию Цяньцзюэ как лучший фильм года. Главную роль исполнял Хэ Жань, его даже номинировали на лучшую мужскую роль, но статуэтку в итоге увёл Янь Вэй. Фильм был камерный, артхаусный, про любовь, актриса вообще неизвестная. А насчёт Цяньцзюэ... ну, ты сам знаешь, как там всё крутится, да и дедушка Янь Вэй...

Го Маоли многозначительно поднял большой палец вверх, намекая на покровителей. Дед Янь Вэй был настоящим столпом в культурных кругах столицы. Для Янь Вэя это была первая главная роль на большом экране, так что престижная государственная премия просто не могла уйти к «чужаку».

— Психически неуравновешенный? — в памяти Вэнь Жунси всплыло то лицо: притягательное, красивое в меру, яркое, но не агрессивное. С виду парень казался приятным в общении, но кто знает, каков он на самом деле... «Стоп, мы даже не знакомы, о чём я думаю?»

Вэнь Жунси потёр переносицу. Съёмки вымотали его, мозгу требовался отдых.

— В досье всё есть. Семья Цинь хорошо его прятала, но если копнуть, вытянуть можно что угодно. Впрочем, для тебя вообще нет секретов. Он с детства страдал аутизмом, увлекался живописью, даже брал государственные награды. В остальном же — почти овощ. Два старших брата души в нём не чают, балуют сверх меры. В начале позапрошлого года их не было дома, и никто не ожидал, что парень с таким диагнозом вдруг сам пойдёт на кастинг. Мистика какая-то, словно бес в него вселился. Запись с проб тоже на диске, еле достал, глянешь на досуге.

Го Маоли отпил воды и продолжил:

— После начальной школы он не учился, занимался только с репетиторами. Учитель рисования у него был — просто глыба, Фэн Юньхэ. К такому за любые деньги не попадёшь, так старший из братьев Цинь лично ездил к нему на поклон. Видимо, подарил подарками и наговорил кучу приятностей. Семья Цинь в столице фигуры заметные, вот и расстарались ради младшего — мол, хоть какое-то увлечение у бедняги будет.

Вэнь Жунси знал Фэн Юньхэ. Великий мастер брал учеников, не глядя ни на талант, ни на родословную — только по зову сердца. С таким авторитетом он мог плевать на любые чины. Версия о том, что старший Цинь «просто уговорил» мастера, вызвала у Вэнь Жунси сомнения, но спрашивать он не стал.

В конечном счёте интерес к Цинь Бао был вызван лишь историей Ли Мина.

— Нет никаких данных, подтверждающих связь Цинь Бао с семьёй Ли Мина. Скорее всего, мы зря копали. Если занят — не читай, — Го Маоли покачал пальцем. — Вообще ничего общего. Семья Цинь просто нашла больницу, где лежала мать Ли Мина, перевела её в другую клинику и оплатила все счета. Когда мы попытались вмешаться и связались с врачами, те сразу ушли в отказ. Каждый месяц на карту женщины падает фиксированная сумма. Для Цинь это копейки, а для семьи Ли — целое состояние. Я даже думал, вдруг они с Ли Мином в одной школе учились? Но парень из элитной частной школы, а Ли Мин до самой смерти из своей деревни носа не казал. Цинь Бао в тех краях тоже никогда не жил. Короче, загадка.

Уходя, Вэнь Жунси забрал папку с собой.

Его интерес к Ли Мину со стороны казался странным — обычный деревенский парень. Вэнь Жунси всегда жил особняком, был холоден и замкнут, особенно после тяжёлых лет в начале карьеры. Ли Мин появился в его жизни в самый мрачный период: травля в сети, разбитые машины, карьера на дне.

Это было единственное реалити-шоу, в котором участвовал Вэнь Жунси. Проект о смене жизней — дети богачей и бедняков менялись местами. Ли Мин был восьмилетним мальчишкой из глухой деревушки. Вэнь Жунси пересёкся с ним лишь в финале сезона, когда вручал грамоту «Лучшего юноши». Что это было — случайность или судьба? Он начал анонимно помогать ребёнку и оплачивал его учёбу до самого выпускного класса, пока не случилась беда.

Когда они познакомились, Вэнь Жунси было двадцать три. О нём тогда ходили грязные слухи: шептались, будто он переспал со всей режиссёрской группой ради роли. Если бы не дружба с режиссёром канала, эта минутная сцена с вручением грамоты никогда бы не состоялась, и он бы не узнал о существовании Ли Мина.

Тогда Го Маоли был зелёным новичком, ничего не смыслил в делах. Годы закалили их обоих: Вэнь Жунси стал неуязвим, а «Сяо Го» превратился в «директора Го».

Для Вэнь Жунси этот деревенский паренёк стал кем-то важным. Возможно, потому, что в момент полного краха Ли Мин был единственным, кому Вэнь Жунси был по-настоящему нужен.

До этого они были чужими людьми, а после — Вэнь Жунси взял на себя все расходы на его образование.

Го Маоли видел Ли Мина несколько раз: скромный, тихий отличник, совсем не похожий на тех, кто с юности привык пробивать себе путь локтями.

Школа почти закончилась, впереди маячило блестящее будущее. Вэнь Жунси, можно сказать, вырастил этого парня. Кто же знал, что ради денег на операцию матери Ли Мин поверит слухам о «тысячелетнем корне горца» в горах? Многие тогда кинулись его искать.

Но если другим везло найти «золотую жилу», то удача Ли Мина закончилась в тот день, когда он встретил Вэнь Жунси. Дождь, оползень... Его откопали через сорок восемь часов. Рот и нос забиты грязью. Удушье. Смерть наступила мгновенно.

На следующий день Го Маоли от имени Вэнь Жунси поехал забирать мать Ли Мина из больницы.

Он сам сел за руль. Сзади устроилась сиделка — крепкая, здоровая девушка лет двадцати пяти, отобранная из десятков кандидаток. Внимательная, добрая и простая.

Го Маоли, будучи мужчиной суровым, в разговоры не вступал, лишь слушал, как сиделка быстро нашла общий язык с женщиной. Мать Ли Мина была тихой и мягкой; глядя на её тонкие брови, менеджер невольно вспоминал того застенчивого подростка и чувствовал укол горечи.

К вечеру дорога привела их в горы. Пейзажи за окном сменялись один за другим, и Го Маоли невольно подумал: «Горы рожают людей под стать себе». Деревушка была глухая, но природа вокруг — удивительной красоты. К матери Ли Мина он всегда чувствовал какую-то необъяснимую привязанность.

Женщина угостила Го Маоли пельменями. Он помог ей устроиться. В центре главного зала деревенского дома стоял поминальный портрет Ли Мина.

Дом долго пустовал, пока сиделка прибиралась, Го Маоли взял тряпку и осторожно протёр рамку и старый стол. Перед уходом он зажёл две палочки благовоний.

Дороги в деревне были отвратительные, развернуться — целая пытка. Выкручивая руль, Го Маоли заметил машину, которая тоже пыталась выехать. Номера столичные. «Надо же, какое совпадение», — подумал он. Автомобиль был редкой модели, ценой явно за семь знаков.

Водитель оказался умелым, и вскоре обе машины разъехались. Лишь на выезде к трассе дорогой внедорожник окончательно исчез из вида.

Цинь Фэйго и сам не понимал, с чего это вдруг его младший брат ударился в благотворительность. В прошлом году тот начал спонсировать нескольких пациентов с почечной недостаточностью из бедных семей.

Благотворительностью семья Цинь занималась всегда, но не афишировала это. Фэйго не стал допытываться, почему Цинь Бао выбрал именно это направление. Деньги для них сейчас были

лишь цифрами, и тратить их на добрые дела — куда лучше, чем на кутежи и соблазнение девиц.

— Багажник не трогай, я сам донесу, — строго сказал Фэйго, открывая брату дверь машины.

Цинь Бао послушно замер, наблюдая, как старший брат вытаскивает несколько килограммов персиков, купленных в той самой деревне, где жила мать Ли Мина.

Вообще-то они собирались зайти к ней, но, увидев в доме посторонних, решили не мешать и просто понаблюдали издали. Фэйго считал, что гости — не помеха, но Цинь Бао заявил, что человек внутри «непростой».

Фэйго присмотрелся: обычное лицо, рост средний — ничего особенного. Тогда Бао объяснил, что это агент Вэнь Жунси.

Кто такой Вэнь Жунси? Цинь Фэйго вспомнил не сразу. Потом сообразил: раз брат теперь тоже в шоу-бизнесе, соваться туда, где ошивается менеджер звезды, не стоит — ещё подумают, что они набиваются в друзья. В итоге они просто побродили по окраине деревни, увидели старика с грузовичком персиков и решили закупиться.

Съев персик, который брат заботливо почистил для него, Цинь Бао наконец получил разрешение подняться к себе. Уходя, он слышал, как Фэйго по телефону ругает Цинь Ханьхуэя за то, что тот до сих пор не дома. Ханьхуэй в ответ лишь со смехом подначивал брата, мол, у того совсем нет личной жизни.

После душа Цинь Бао, сверкая длинными голыми ногами в одной лишь просторной рубашке до середины бедра, немного отдохнул на диване, а затем сел за дневник.

Прежний Цинь Бао обожал вести записи, и нынешний сохранил эту привычку. В конце концов, проходя свой путь на этой земле, нужно оставлять след.

Но самое главное ждало его потом. Он привычно скользнул в то самое потайное пространство, скрытое за замочной скважиной, чтобы посмотреть фильмы с Вэнь Жунси. Когда он впервые обнаружил, что всё это место забито снимками актёра, он едва не закричал от шока. К счастью, здесь его крики никто не мог услышать.

Прежний владелец тела был фанатом Вэнь Жунси. Цинь Бао трудно было представить, что аутист может так фанатеть от звезды, причём без всяких метаний — только один кумир. Степень одержимости поражала: в его коллекции была даже серия снимков шестнадцатилетнего Вэнь Жунси. Белая рубашка, рваные джинсы, чуть длинные волосы — дух ушедшей эпохи.

Юный, неуверенный взгляд... совсем не похожий на того властного мужчину, который сейчас смотрел на него с экрана монитора.

У каждого есть прошлое. Каждый когда-то был наивным.

Цинь Бао прихватил с собой бутылку сока и, потягивая напиток, уставился в монитор. Шёл фильм, за который Вэнь Жунси два года назад получил международную награду. Роль ассасина, раздираемого выбором между простыми людьми и государственными интригами. История о безымянном герое, спасшем империю от гибели.

«Чёрт, какой же он крутой, — думал Цинь Бао. — Красавчик, до слёз просто».

Тяжёлые мысли, копившиеся весь день, понемногу отпускали. Когда он закончил просмотр и вышел, во внешнем мире время почти не сдвинулось. Два дня внутри равнялись пяти минутам снаружи.

Пока Цинь Бао был занят съёмками и просмотром фильмов, в Weibo два хештега, связанных с ним, взлетели на первое и третье места в топе. Сам он заходил в сеть редко и даже не подозревал о начавшейся буре.

Изучив досье, присланное Го Маоли, Вэнь Жунси запустил запись кастинга Цинь Бао для фильма «Эпоха процветания».

В начале роли у персонажа проявлялись симптомы аутизма, сменяющиеся позже вспышками ярости. Сложный диапазон. Глядя на экран — на этого заторможенного юношу с отсутствующим взглядом и нервно подёргивающимися пальцами, — Вэнь Жунси невольно подумал, что реальный Цинь Бао все эти годы был точно таким же, как его герой.

«Играет самого себя. Никакой актёрской техники».

Отпив ледяной воды, он перешёл ко второму фрагменту. Здесь игра была куда многослойнее. Цинь Бао в кадре то и дело касался лица, растерянно озирался; во время допроса в полиции юноша виртуозно передал тревогу, раздражение и, наконец, полное безразличие к своей судьбе.

Вэнь Жунси поймал себя на мысли, что эта манера игры и даже мелкие жесты кажутся ему странно знакомыми. Хотя, если бы он сам играл эту роль, он, вероятно, использовал бы похожие приёмы.

Закончив просмотр, он распахнул окно. Уже светало. У него было от силы пара часов на сон, но то ли ночной ветер взбодрил, то ли возбуждение от увиденного перебило сонливость.

Лицо Цинь Бао — свежее, молодое и всё же слишком бледное — стояло перед глазами, словно тающая на утреннем небе луна.

Вэнь Жунси усмехнулся, взял телефон и решил найти страницу парня в Weibo.

Искать пришлось долго. У Цинь Бао было чуть больше десяти миллионов подписчиков, посты появлялись раз в месяц-два. Последним была реклама шоу «Семьдесят два часа», под которой красовалось триста тысяч комментариев.

Это чувство — когда ты тайно подглядываешь за кем-то — было для Вэнь Жунси в новинку. Он так давно не заходил в свой аккаунт, что дважды ошибся в пароле.

Листая ленту, он внезапно наткнулся на два горящих топика:

«#Кун Я плеснул водой#» и «#Цинь Бао Актёрское мастерство#».

Первое и третье места в горячих трендах.

<http://bllate.org/book/17537/1700958>